

УДК 34**Туристическая миграция и риски для национальной безопасности: правовой анализ и международный опыт реагирования****Баклажков Игорь Анатольевич**

Аспирант,
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2;
e-mail: ibaklzhkov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию туристической миграции как правового явления, способного создавать скрытые угрозы для национальной безопасности в условиях глобальной мобильности. Акцент сделан на правовую неопределенность, возникающую при трансформации заявленной цели пребывания без предусмотренных процедур. Особое внимание уделено анализу визовой политики государств АСЕАН (на примере Индонезии, Таиланда, Малайзии и Вьетнама), демонстрирующих растущий курс на визовый протекционизм в ответ на приток нерегламентированных мигрантов, включая граждан Российской Федерации. Рассмотрен опыт Европейского союза, где создан механизм легальной трансформации миграционного статуса. Предлагается разработка многостороннего соглашения, включающего правовые основания для смены цели пребывания, критерии фиктивного туризма и порядок обмена визовой информацией. Подчеркивается необходимость нормативного признания туристической миграции, усиления цифрового мониторинга и формирования единых подходов в рамках международного сотрудничества.

Для цитирования в научных исследованиях

Баклажков И.А. Туристическая миграция и риски для национальной безопасности: правовой анализ и международный опыт реагирования // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 172-179.

Ключевые слова

Туристическая миграция, национальная безопасность, миграционное право, визовый режим, международное сотрудничество.

Введение

В условиях глобализации и роста трансграничной мобильности внимание международного сообщества привлекают формы миграции, выходящие за рамки классических категорий. Одной из них является туристическая миграция – добровольное перемещение по туристической визе с последующим изменением цели пребывания, чаще всего в сторону трудовой или иной долгосрочной интеграции. Несмотря на легальность въезда, такая практика нарушает визовые режимы, затрудняет контроль и создает риски для национальной безопасности.

Особенно остро эта проблема стоит в странах с высоким турпотоком и уязвимой визовой политикой. В России туристический режим нередко используется для обхода иммиграционных ограничений, что приводит к росту теневой занятости и подрыву доверия к туристическим визам. При этом на международном и национальном уровнях туристическая миграция остается нормативно неурегулированной.

Статья направлена на исследование туристической миграции как правового явления, выявление связанных с ней угроз и анализ международных механизмов реагирования на трансформацию визового статуса. Научная новизна состоит в рассмотрении туристической миграции как фактора безопасности и объекта международного права, а также в обосновании необходимости ее нормативного признания. Исследование опирается на формально-юридический метод и системный подход.

Понятие туристической миграции и риски для национальной безопасности

Туристическая миграция – это форма трансграничной мобильности, при которой лицо въезжает на законных основаниях (по визе или безвизово) с заявленной целью краткосрочного пребывания. Однако на практике цель визита нередко меняется – на трудовую, образовательную или семейную, что влечет правовые последствия, не предусмотренные изначальной визовой категорией. Основная проблема заключается в отсутствии четкой процедуры смены миграционного намерения. При изменении обстоятельств, например при трудоустройстве, мигрант формально сохраняет легальный статус, но фактически нарушает режим. Это создает правовую коллизию и неопределенность, поскольку действующее законодательство не предоставляет достаточной процедурной защиты. В таких условиях юридическая судьба туристического мигранта становится неустойчивой, подверженной дискреционным решениям государственных органов [Тарасов, 2025, 45].

Туристическая миграция объединяет черты добровольного въезда, правомерного пересечения границы и последующего социально-экономического вовлечения. В отличие от других форм миграции, она не предусматривает оснований для долгосрочного пребывания, но способна перерасти в него, что затрудняет правовую квалификацию. Мигранты могут как изначально скрывать истинные цели въезда, так и менять намерения уже после прибытия – из-за предложений о работе, брака или иных обстоятельств. Иногда пребывание продолжается после истечения визы без легализации, что ведет к утрате законного статуса. Общей проблемой остается отсутствие механизмов фиксации изменения правового положения.

Такое положение дел порождает риски – от правовых до оперативных. Невозможность отследить трансформацию миграционного поведения ослабляет контроль и нарушает баланс между открытостью и безопасностью.

Одним из ключевых рисков туристической миграции является нарушение визового режима и подрыв доверия к институту туристической визы. Использование краткосрочного туристического статуса в обход иммиграционных требований приводит к снижению эффективности миграционного контроля, усложняет работу консульских и пограничных органов, а также порождает фиктивные основания для пребывания. Отсутствие обязательной процедуры трансформации визового статуса не позволяет вовремя отследить смену миграционного намерения, в результате чего лицо, остающееся в стране, сохраняет формальный статус туриста, но фактически вовлекается в неформальную трудовую или иную деятельность [Андриченко, 2019, 45].

Особую опасность представляет экономический компонент данного явления. Туристическая миграция способствует росту теневой занятости, снижению уровня легальной налоговой базы, вытеснению граждан с местных рынков труда, особенно в низкоквалифицированных секторах. Формирующийся слой лиц с неопределенным правовым положением ограниченно поддается государственному регулированию и может стать объектом эксплуатации, что дополнительно усиливает напряженность в социальной среде [Дутов, 2022, 91]. В долгосрочной перспективе это ведет к формированию маргинализированных групп, интеграция которых в правовое пространство требует значительных усилий и ресурсов государства [Хабриева, 2019, 122].

Международно-правовой опыт регулирования

Современное международное право характеризуется несистемностью в вопросе регулирования туристической миграции. Основное внимание на универсальном уровне уделяется вынужденной миграции, перемещению трудящихся-мигрантов и вопросам защиты прав человека в контексте перемещения лиц. В результате туристическая миграция – как форма легального въезда с последующим изменением цели пребывания – остается вне прямого нормативного охвата.

Так, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года (вступила в силу в 2003 году) регулирует исключительно тех лиц, которые выезжают с изначальной целью осуществления оплачиваемой деятельности. Туристические мигранты, меняющие свой правовой статус уже после въезда, не подпадают под ее действие. Конвенция о статусе беженцев 1951 года и Протокол к ней 1967 года также не применимы, поскольку речь не идет о защите от преследования или вынужденном перемещении.

Ряд международных организаций – в первую очередь Всемирная туристская организация (ЮНВТО), Международная организация по миграции (МОМ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – затрагивают тематику туристической мобильности в рамках общих документов [Шевченко, 2024, 65]. Например, в Международном кодексе по защите туристов (UNWTO International Code for the Protection of Tourists, принят в 2022 году) содержатся нормы, касающиеся прав туристов в условиях кризисов, но не рассматривается проблема фиктивного туризма или смены цели пребывания. Документы МОМ преимущественно касаются управления миграцией в рамках устойчивого развития [Бубнов, 2024, 33], однако также не охватывают явление туристической миграции как трансформирующейся категории.

В пространстве ЕАЭС и СНГ вопросы туристической миграции слабо формализованы. Регулирование осуществляется преимущественно в рамках административного и визового

взаимодействия, без унификации правовых позиций по изменению миграционного намерения. Как отмечает А. Ю. Ястребова, стоит выделить такие виды добровольной миграции, требующие специального международно-правового регулирования, как воссоединение семей, научные и образовательные передвижения и возвращение соотечественников на историческую родину» [Ястребова, 2018, 32]. Эта характеристика в полной мере применима и к туристической миграции, которая в условиях нормативной аморфности и отсутствия координации между государствами может становиться инструментом косвенного давления, распространения серых схем перемещения, а в ряде случаев – каналом угроз национальной безопасности.

Визовая политика как инструмент управления туристической миграцией

Современные государства все чаще рассматривают визовую политику не только как средство регулирования трансграничных перемещений, но и как инструмент обеспечения внутренней стабильности, защиты рынка труда и сохранения социальной среды. Туристическая миграция, сопряженная с изменением заявленной цели пребывания, оказалась в центре внимания органов государственного управления в ряде государств Юго-Восточной Азии. Практика последних лет, в частности с 2022 года, демонстрирует усиливающийся курс на визовый протекционизм, что проявляется в ограничениях, направленных на предотвращение фиктивного туризма и сдерживание роста нерегулируемых диаспор.

Особое внимание к проблеме наблюдается в странах АСЕАН, где значительная часть экономики зависит от въездного туризма. Наиболее показательной стала ситуация в Индонезии, прежде всего на острове Бали. С 2022 года в ответ на резкий рост числа граждан Российской Федерации, остающихся в стране сверх установленного срока и занимающихся трудовой деятельностью без разрешения, власти начали последовательно ужесточать визовый контроль. В 2023 году губернатор Бали публично предложил приостановить безвизовый режим для россиян и украинцев, а уже в 2024 году было введено правило, согласно которому иностранцы, пребывающие более 60 дней и получающие доход, обязаны оформить разрешение на работу [Индонезия может приостановить безвиз для россиян: власти Бали обеспокоены ростом нарушений визового режима, 2022, [www](#)]. Также значительно возросло количество депортаций за нарушение миграционного законодательства и случаи запрета на въезд.

Похожая тенденция прослеживается в Таиланде, традиционно придерживавшемся либерального визового режима. После 2022 года, несмотря на формальное продление срока безвизового пребывания для граждан РФ до 90 дней, усилились проверки целей въезда, особенно в отношении удаленных работников и релокантов [В Таиланде ужесточают контроль за русскими туристами. Нарушители депортируются, 2022, [www](#)]. Миграционные органы Пхукета и Паттайи зафиксировали многочисленные случаи трудовой деятельности без разрешений, что привело к сотням депортаций. Кроме того, в крупных туристических центрах усилилось сотрудничество между миграционной полицией, налоговыми и социальными службами. Аналогичные меры в виде ограничений на продление виз и пристального внимания к фактическому поведению иностранцев были предприняты в Малайзии и Вьетнаме [ASEAN Migration Policy Frameworks, 2023, [www](#)].

Подобные действия имеют правовую основу в действующем миграционном законодательстве этих стран, но по своей сути представляют собой реакцию на рост неформальных диаспор, не вписывающихся в рамки заявленного туристического пребывания.

Визовая политика выступает здесь не просто как пограничная процедура, а как средство защиты интересов государства: рекреационных ресурсов, занятости местного населения, общественного порядка. Туристическая миграция при этом трактуется не в контексте гуманитарных прав, а как объект контроля и фильтрации.

На фоне подобной политики стран АСЕАН особенно выделяется визовая практика Европейского союза. В рамках Шенгенской зоны действует унифицированный Визовый кодекс ЕС (Регламент № 810/2009/ЕС [Визовый кодекс Европейского союза, 2009, www]), который позволяет не только выдачу краткосрочной визы с единой процедурой оценки, но и предусматривает институты продления, аннулирования и замены виз, а также возможность изменения цели пребывания без обязательного выезда. Важным элементом является согласованная процедура перехода от краткосрочного туристического статуса к долгосрочному пребыванию (например, по основанию обучения, заключения брака, трудовой занятости). Такая трансформация возможна при подаче соответствующего ходатайства в органы того государства, в котором иностранец фактически находится, при условии соблюдения временных и процессуальных критериев.

ЕС демонстрирует эффективный пример интеграционного подхода, в котором визовая политика выступает как часть системы миграционного права, сопряженного с системой прав человека, цифровым контролем (Visa Information System – VIS) и межведомственным обменом информацией. Это позволяет ограничить злоупотребления, минимизировать теневые схемы трансформации статуса и обеспечить прозрачность перемещения лиц.

В отличие от ЕС, региональные объединения в Азии, включая АСЕАН, пока не выработали единых подходов к трансформации визового статуса. Сотрудничество в области миграции ограничивается в основном вопросами упрощения визового режима для граждан стран-членов. Отсутствие согласованных позиций по трансформации статуса туриста в мигранта, равно как и унифицированных правил регулирования долгосрочного пребывания, делает регион уязвимым к проблемам правовой неопределенности и злоупотреблениям.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным сформулировать инициативу по разработке многостороннего соглашения между странами с высоким турпотокom (в том числе в рамках СНГ или ЕАЭС), включающего:

- согласованное определение туристической миграции;
- правовые основания и процедуры трансформации визового статуса;
- условия допустимости смены цели пребывания без выезда;
- обмен визовой информацией;
- общие критерии борьбы с фиктивным туризмом.

Подобное соглашение может быть оформлено в виде модельного акта или *soft law*-документа под эгидой международной организации (например, ЮНВТО), с учетом лучшего опыта ЕС и практики стран АСЕАН. Это создаст правовую основу для легализации миграционного поведения и одновременно укрепит контроль над миграционными процессами в интересах национальной безопасности.

На международном уровне приоритетной задачей становится выработка согласованного определения туристической миграции, отличающего ее от краткосрочного туризма и традиционных форм миграции. Для этого целесообразно принятие модельного *soft law*-документа, например, Рекомендаций ЮНВТО, с указанием признаков смены цели пребывания, критериев фиктивности и условий допустимой трансформации статуса без выезда. Актуальной представляется и разработка многостороннего соглашения, устанавливающего порядок обмена

визовой информацией и принципы переходного визового режима – с возможностью переоформления статуса при наличии уважительных оснований (работа, брак, обучение) и механизмами контроля.

Для национальных правопорядков, включая Российскую Федерацию, важно нормативно закрепить право на изменение цели пребывания без выезда, что обеспечит правовую определенность и снизит число нарушений. Также необходима цифровизация миграционного мониторинга и интеграция ведомственных баз данных.

Заключение

Туристическая миграция представляет собой трансформирующуюся форму международной мобильности, находящуюся за пределами традиционных миграционных режимов и сопряженную с множеством скрытых рисков для государства. Отсутствие в международном и национальном праве механизмов реагирования на изменение цели пребывания создает правовой вакуум, способствующий злоупотреблениям, росту теневой занятости и ослаблению миграционного контроля.

Выработка согласованной нормативной позиции, включающей как дефиницию туристической миграции, так и процедуры правомерной трансформации миграционного статуса, становится условием обеспечения правопорядка и сохранения баланса между свободой перемещения и защитой национальной безопасности. Туристическая миграция требует комплексного и системного подхода, основанного на правовых инструментах превенции, прозрачности и межгосударственного сотрудничества.

Библиография

1. ASEAN Migration Policy Frameworks: State of Play and Opportunities for Harmonisation. – International Organization for Migration. 2023. URL: <https://www.iom.int/> (дата обращения: 11.06.2025).
2. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М.: Норма, 2019. 392 с.
3. Бубнов А.В. Кластерное развитие российского туризма: правовые и экономико-управленческие аспекты. М.: Русайнс, 2024. 202 с.
4. В Таиланде ужесточают контроль за русскими туристами. Нарушители депортируются. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/11/15/72811898/> (дата обращения: 11.06.2025).
5. Визовый кодекс Европейского союза: Регламент (ЕС) № 810/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об учреждении Визового кодекса Сообщества // Официальный журнал Европейского союза. 2009. L 243. С. 1–58.
6. Дутов П.О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции. М.: Юнити-Дана, 2022. 176 с.
7. Индонезия может приостановить безвиз для россиян: власти Бали обеспокоены ростом нарушений визового режима. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2024/65e6e0e69a7947cc841fbc9a> (дата обращения: 11.06.2025).
8. Конвенция о статусе беженцев (заключена в Женеве 28 июля 1951 г.) и Протокол, касающийся статуса беженцев (Нью-Йорк, 31 января 1967 г.) // Сборник международных договоров СССР и РФ. Вып. XLVII. М., 1993. С. 67–89.
9. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 24.02.2025).
10. Международный кодекс защиты туристов (принят резолюцией ГА ООН № CE/116/3(b) от 21 декабря 2021 г.) // Всемирная туристская организация. Мадрид, 2021. URL: [<http://www.unwto.org/>] (дата обращения: 24.02.2025).
11. Тарасов О.И. Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 42–47.
12. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения, 2019. 400 с.
13. Шевченко О.А. Актуальные проблемы правового регулирования внутреннего и въездного туризма. М.:

Перспектива, 2024. 112 с.

14. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 580 с.

Tourist Migration and National Security Risks: Legal Analysis and International Response Experience

Igor' A. Baklazhkov

Graduate Student,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119021, 53/2 Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ibaklazhkov@mail.ru

Abstract

The article examines tourist migration as a legal phenomenon capable of creating hidden threats to national security in the context of global mobility. The focus is on the legal uncertainty arising from the transformation of the declared purpose of stay without following established procedures. Special attention is paid to the analysis of the visa policies of ASEAN states (using Indonesia, Thailand, Malaysia, and Vietnam as examples), which demonstrate a growing trend towards visa protectionism in response to the influx of unregulated migrants, including citizens of the Russian Federation. The experience of the European Union, where a mechanism for the legal transformation of migration status has been created, is considered. The development of a multilateral agreement is proposed, including legal grounds for changing the purpose of stay, criteria for fictitious tourism, and procedures for exchanging visa information. The necessity of legally recognizing tourist migration, enhancing digital monitoring, and forming unified approaches within international cooperation is emphasized.

For citation

Baklazhkov I.A. (2025) *Turisticheskaya migratsiya i riski dlya natsional'noy bezopasnosti: pravovoy analiz i mezhdunarodnyy opyt reagirovaniya* [Tourist Migration and National Security Risks: Legal Analysis and International Response Experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 172-179.

Keywords

Tourist migration, national security, migration law, visa regime, international cooperation.

References

1. International Organization for Migration (2023) ASEAN Migration Policy Frameworks: State of Play and Opportunities for Harmonisation. Available at: <https://www.iom.int/> (Accessed: 11.06.2025).
2. Andrichenko L.V. (2019) *Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneniya* [Migration Legislation of the Russian Federation: Development Trends and Law Enforcement Practice]. Moscow: Norma. 392 p.
3. Bubnov A.V. (2024) *Klasternoe razvitie rossiiskogo turizma: pravovye i ekonomiko-upravlencheskie aspekty* [Cluster-Based Development of Russian Tourism: Legal and Economic-Administrative Aspects]. Moscow: Rusains. 202 p.

Baklazhkov I.A.

4. Fontanka.ru (2023) V Tailande uzhechtochayut kontrol' za russkimi turistami. Narushiteli deportiruyutsya [Thailand Tightens Control Over Russian Tourists. Violators Deported]. Available at: <https://www.fontanka.ru/2023/11/15/72811898/> (Accessed: 11.06.2025).
5. European Union (2009) Visa Code: Regulation (EC) No 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 Establishing a Community Code on Visas. Official Journal of the European Union. L 243, pp. 1–58.
6. Dutov P.O. (2022) Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie vneshnei trudovoi migratsii [Constitutional and Legal Regulation of External Labor Migration]. Moscow: Yuniti-Dana. 176 p.
7. RBC.ru (2024) Indoneziya mozhет priostanovit' bezviz dlya rossiyan: vlasti Bali obespokoeny rostom narushenii vizovogo rezhima [Indonesia May Suspend Visa-Free Regime for Russians: Bali Authorities Concerned About Increasing Visa Violations]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2024/65e6e0e69a7947cc841fbc9a> (Accessed: 11.06.2025).
8. United Nations (1951/1967) Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva, 28 July 1951) and Protocol Relating to the Status of Refugees (New York, 31 January 1967). Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR i RF, Vol. XLVII. Moscow, 1993, pp. 67–89.
9. United Nations (1990) International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (Accessed: 24.02.2025).
10. United Nations World Tourism Organization (2021) International Code for the Protection of Tourists. Resolution No. CE/116/3(b), 21 December 2021. Madrid: UNWTO. Available at: <http://www.unwto.org/> (Accessed: 24.02.2025).
11. Tarasov O.I. (2025) Sud'ba kak kategoriya yuridicheskogo znaniya: filosofsko-pravovye interpretatsii [Fate as a Category of Legal Knowledge: Philosophical and Legal Interpretations]. Yuridicheskaya nauka, no. 4, pp. 42–47.
12. Khabrieva T.Ya. (2019) Migratsionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Migration Law: A Comparative Legal Study]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law. 400 p.
13. Shevchenko O.A. (2024) Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya vnutrennego i v'ezdnogo turizma [Current Issues of Legal Regulation of Domestic and Inbound Tourism]. Moscow: Prospekt. 112 p.
14. Yastrebova A.Yu. (2018) Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy regulirovaniya migratsii: doktrinal'nye podkhody i opyt Rossiiskoi Federatsii [International Legal Mechanisms for Regulating Migration: Doctrinal Approaches and the Experience of the Russian Federation]. Doctoral thesis. Moscow. 580 p.